

Азиатская политика России : от двустороннего подхода к глобальной стратегии

Дмитрий Тренин

июнь 2016

Французский Институт Международных Отношений (ИФРИ) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901 г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

Благодаря междисциплинарному подходу своих исследований и привлечению к дебатам политиков, руководителей предприятий, научных работников и экспертов международного уровня, ИФРИ способствует развитию новых идей и принятию решений.

В 2005 году в Брюсселе открылась европейская антенна ИФРИ. ИФРИ-Брюссель является одним из редких французских мозговых центров (*think tank*), прочно занявших своё место в европейском дебате.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на её автора.

ISBN : 978-2-36567-580-2

© Все права защищены, Ifri, 2016

Прочитать публикацию:

Дмитрий Тренин, «Азиатская политика России: от двустороннего подхода к глобальной стратегии», *Russie.Nei.Visions*, №94, июнь 2016.

Ifri

27 rue de la Procession 75740 Paris Cedex 15 – FRANCE

Tél.: +33 (0)1 40 61 60 00 – Fax : +33 (0)1 40 61 60 60

E-mail: accueil@ifri.org

Ifri-Bruxelles

Rue Marie-Thérèse, 21 1000 – Bruxelles – BELGIQUE

Tél.: +32 (0)2 238 51 10 – Fax : +32 (0)2 238 51 15

E-mail: bruxelles@ifri.org

Веб-сайт: ifri.org

Russie.Nei.Visions

Russie.Nei.Visions – серия электронных публикаций, посвящённых изучению России и других новых независимых государств на постсоветском пространстве (Белоруссии, Украины, Молдовы, Армении, Грузии, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана и Кыргызстана). Статьи, подготовленные ведущими экспертами, посвящены актуальным стратегическим, политическим и экономическим проблемам.

Об авторе

Дмитрий Тренин – директор Московского Центра Карнеги. Он работает в Центре с момента его основания и является председателем его научного совета и программы «Внешняя политика и безопасность». В 1993-1997 годах работал старшим научным сотрудником Института Европы РАН, а в 1993 году – в Военном колледже НАТО в Риме. Служил в советской и российской армии с 1972 по 1993 годы, в том числе в качестве офицера связи в отделе внешних сношений группы советских войск в Германии (Потсдам), а также был членом делегации СССР на советско-американских переговорах по ядерному оружию, проходивших в Женеве с 1985 по 1991 годы. С 1986 по 1993 годы преподавал в Военном институте.

Краткое содержание

По сравнению с Западом, Азия традиционно занимала второстепенное место среди стратегических приоритетов России. Сближение России с Китаем и Индией наметилось только в середине 90-х годов по инициативе Евгения Примакова, который был в то время министром иностранных дел РФ. Однако реально осуществить «поворот на Восток» Москву заставило именно ухудшение отношений с Западом в 2014 году. «Новой» политике России в Азии важно не наткнуться на два подводных камня: первый – слишком большой упор на связи с Китаем, а второй – исключительно двусторонний подход в отношениях с различными странами региона. Целью более обширной стратегии в Азиатско-тихоокеанском регионе Москве следует сделать построение «Большой Евразии», которое будет проводиться одновременно при помощи комплексного (по отношению ко всему региону в целом) и глобального (включающего в себя геополитический, геоэкономический, военный, информационный и культурный аспекты) подходов.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ВОЗНИКНОВЕНИЕ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ.....	7
ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗРЫВА С ЕВРОПОЙ ДЛЯ РОССИИ.....	9
СУТЬ ГЛОБАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ МОСКВЫ В АЗИИ.....	11
Китай.....	12
Япония.....	15
Южная Корея.....	17
Другие азиатские страны и организации.....	18
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: КОМПОНЕНТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ.....	23

Введение

Двуглавый имперский орёл на государственном гербе России кажется симметричным, однако традиционно он всегда больше смотрел на запад, чем на восток. Россия сначала искала признания в качестве великой европейской державы пока, наконец, не решилась на покорение азиатской части континента, с его обширными территориями и слабыми соседями, долгое время бывшей на «задворках» России. В азиатской политике России геополитические и стратегические факторы обычно превалировали над экономическими. Так было в имперские времена, в советский период и, особенно, в течение четверти века после окончания холодной войны¹.

Царская Россия расширила свои владения вплоть до Тихого океана, присоединив огромные территории Сибири, Кавказа и Центральной Азии. Советская Россия на первых порах поддерживала антиколониальную борьбу, а затем перешла к укреплению коммунистического блока с Китаем, Северной Кореей, Вьетнамом и другими странами Индокитайского полуострова. В 1950-х годах, на протяжении десятилетия, советско-китайский союз был явно направлен против США и его союзников в Азии, в то время как Варшавский договор противостоял НАТО в Европе. Однако союз Москвы с Пекином вскоре распался и на протяжении трёх последующих десятилетий холодность отношений между двумя коммунистическими гигантами сопровождалась столкновениями на границах и нависшей угрозой ядерной войны.

Во времена холодной войны, в отличие от Европы, Азия представляла хотя и второстепенный, но «горячий» фронт. Советский Союз предпринимал попытки сдерживания и ослабления США в Корее и Вьетнаме, а также нейтрализации американского влияния в регионе путём стратегического сближения с Индией, но при этом увяз в десятилетней войне в Афганистане. С целью снижения

Переведено с английского Натальей Киселевой-Туле

1. В статье раскрываются некоторые тезисы, выдвинутые автором в других недавних публикациях, в частности, *Тренин Д.* Россия и подъём Азии // Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги, 2013, <http://carnegie.ru> и *Тренин Д.* От Большой Европы к Большой Азии? Китайско-российская Антанта // Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги, 2015, <http://carnegieendowment.org>.

напряжённости в Азии, Михаил Горбачёв нормализовал отношения с Китаем, установил дипломатические отношения с Южной Кореей, предпринял шаги по сближению с Японией, договорился о политическом урегулировании в Камбодже и вывел советские войска из Афганистана. В результате конфронтации был положен конец, но вместе с ней исчезло и влияние Москвы.

Постсоветская Россия поначалу сосредоточилась на отношениях с Западом, надеясь на возможность интеграции на собственных условиях, и Азия на некоторое время отошла на задний план. Ситуация начала меняться с середины 1990-х, когда отношения России с Западом стали портиться. С 1996 года началось сближение России и Китая, а с 1998, при содействии тогдашнего министра иностранных дел Евгения Примакова, Москва выступила за создание континентального треугольника Россия-Индия-Китай (РИК). Впоследствии Россия стала инициатором расширения этой группы до формата БРИК. Москва также поддержала идею Пекина о трансформации формата переговоров по безопасности между Китаем и бывшими советскими республиками в Шанхайскую Организацию Сотрудничества (ШОС). Российско-китайская граница была полностью закреплена в серии соглашений, подписанных в 1991-2004 годах.

Возникновение Большой Евразии

После разрыва с Западом в 2014 году в результате украинского кризиса, положение России в международной системе кардинально изменилось. Однако интерес Европейского союза к более тесному сотрудничеству с Россией ослаб ещё до украинских событий. Речь больше не идёт об интеграции России с Западом в рамках так называемого «евро-атлантического единого пространства безопасности» или «Большой Европы от Лиссабона до Владивостока». Этой парадигмы больше не существует. При этом попытки Москвы интегрировать постсоветские территории в «Евразийский союз» также продемонстрировали географическую и структурную ограниченность этой концепции.

Мечта не сбылась. Понятие Евразии, как новое название бывшей российской империи, затем Советского Союза, и наконец, бывшего СССР, оказалось бесполезным для определения геополитического и геоэкономического региона². Оставшийся огузок – «маленькая Евразия» в виде Евразийского экономического союза – это скромное экономическое соглашение, едва ли способное перерасти в настоящую сплочённую организацию. Таким образом, Россия стоит особняком, частично в Европе, частично в Азии, не принадлежа ни той, ни другой.

Между тем, огромный евразийский континент, протянувшийся от Восточной Азии до Западной Европы, в котором Россия когда-то доминировала в силу своего центрального положения, переживает глубокие геополитические изменения. На западе, большая часть Европы с 1990-х годов предпринимает мощное усилие по объединению многочисленных стран в союз, который включает сегодня почти весь «западный полуостров Евразии», вплоть до российских границ. Несмотря на имеющиеся успехи, эта попытка не привела к возникновению объединённой Европы как крупнейшего стратегического полюса. Более того, в 2010-х годах Европейский союз

2. Эта идея была сформулирована автором ранее в *Trenin D. The End of Eurasia. Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization.* // Carnegie Endowment for International Peace: Washington, D.C., 2001, <http://carnegie.ru>.

столкнулся с рядом кризисов – финансовым, миграционным, кризисом безопасности – и его будущее зависит от того, насколько ему удастся с ними справиться.

На востоке, Китай не только превратился во вторую по размеру мировую экономику и современную военную державу, но и начал активно проявлять интерес к внешнему миру. В 2013 году китайский лидер Си Цзиньпин выступил с идеей «одного пояса, одного пути», призванной сделать геоэкономическую экспансию инструментом внешней политики Китая. В последующих комментариях китайские руководители подтвердили, что приоритетом для Китая становятся соседние страны в Азии и Евразии. Впервые со времён Чингисхана интеграция Евразии осуществляется силами, движущимися не с запада или из центра, а с востока континента.

Последствия разрыва с Европой для России

Эти события имеют важнейшие, можно сказать экзистенциальные последствия для России, вступившей в конфронтацию с США, надолго отделившейся от Европы и не сумевшей создать собственный региональный блок на бывшем советском пространстве. Одновременно с этим России необходимо адаптироваться к продвижению Китая на запад и укреплению влияния Пекина на бывших советских приграничных территориях Центральной Азии, Южного Кавказа и Восточной Европы. Кроме того, соседний ближневосточный регион становится источником глобальной нестабильности, и Россия всё более активно вовлекается в борьбу с исламистским экстремизмом и радикализмом.

В этой новой ситуации Российской Федерации необходима глобальная стратегия, которая позволит ей сохранить себя как крупнейшую независимую силу в Евразии. Кремль поставил целью подтвердить великодержавный статус своей страны и для этого постоянно маневрирует и прибегает к силовой политике. При этом он едва ли имеет стратегию в полном смысле этого слова, что может быть или связано с личными качествами и профессиональными навыками президента Владимира Путина и его ключевых помощников, или являться результатом неопределённой, постоянно меняющейся среды, в которой существует постсоветская Россия, или же попросту отражать мудрость политиков, понимающих, что тщательно разработанные геополитические стратегии, как и на войне, зачастую не выдерживают первого залпа.

Тем не менее, выделенная из анализа совокупности внешнеполитических решений логика может помочь спрогнозировать вытекающее из неё будущее направление политики, что позволяет говорить о своего рода фактической «стратегии». Именно эту цель преследует данная статья в первую очередь. Подобная «стратегия» может существенно отличаться от громких заявлений политиков и комментариев чиновников, исполняющих политические решения, однако она основана на анализе объективных данных и поэтому может претендовать на толику правдоподобия.

По мнению автора, в России не существует единой азиатской стратегии, а имеются, скорее, отдельные подходы к различным государствам, которые необходимо согласовать между собой, исходя из географической близости и растущего взаимодействия между азиатскими странами, а также их отношения к различным международным организациям в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Необходимо также заранее отметить, что под термином «Азия» в данном контексте понимается Восточная, Южная и Юго-Восточная Азия. Ближний Восток исключён из данного анализа, а Центральная Азия и Афганистан рассматриваются лишь в той мере, в какой они имеют значение для российско-китайских отношений.

Суть глобальной стратегии Москвы в Азии

Владимир Путин посвятил свое долгое пребывание в президентском кресле в основном двум главным задачам: сохранению целостности России и восстановлению её статуса глобальной, а не только региональной, державы. Сдвиг внешней политики Кремля к востоку от Урала направлен одновременно на достижение обеих задач: гарантировать сохранность Дальнего Востока и Сибири в составе России и обеспечить самой России ведущую роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Так называемый поворот России к Азии на самом деле предшествовал разрыву с Западом. Владимир Путин был движущей силой этого процесса с 2000-х годов. Если на западе главный вызов для России исходит от США, которые после окончания холодной войны перестали относиться к ней как к великой державе со своими особыми интересами и продвинули собственное влияние далеко вглубь территорий, ранее находившихся под контролем Москвы, на востоке этот вызов принял форму растущего Китая, впервые в современной истории опередившего Россию в области совокупной национальной мощи и уже начавшего распространять своё влияние в Азии, втягивая соседние страны в свою орбиту.

До 2014 года Россия стремилась к компромиссу с США в Европе, Закавказье и Средней Азии, одновременно стараясь укрепить свои позиции за счёт расширения и углубления связей с Китаем. В свою очередь, хорошие отношения с Вашингтоном и бурно развивающиеся экономические, политические и культурные связи с Европой обеспечивали баланс в отношениях Москвы с Пекином. Поддерживая в равновесии западное и восточное направления своей внешней политики, Москва также прилагала усилия по укреплению своих позиций в центральной части континента – «маленькой Евразии», принадлежавшей Российской империи и, затем, Советскому Союзу, – надеясь заложить там основу собственной мощи – Евразийский союз.

После 2014 года этот баланс был нарушен. Превращение Запада в противника и значительное сокращение возможностей на постсоветском пространстве вынудили Москву искать

дополнительную поддержку в Азии, особенно со стороны Китая – крупнейшей мировой экономики, не присоединившейся к режиму антироссийских санкций. Поскольку рост Китая с очевидностью бросает вызов доминирующему положению США в Восточной Азии и в мире, а Россия выражает своё несогласие с США в Восточной Европе, в некоторых умах появилась надежда на то, что Китай и Россия создадут вокруг БРИКС и ШОС ядро коалиции незападных стран, с целью заменить доминирование Запада под предводительством США на новый многополярный мировой порядок.

Китай

Действительно, Москва и Пекин разделяют недовольство доминированием США в глобальных экономических, финансовых, информационных, культурных и, не в последнюю очередь, военных делах, они отвергают либеральный интервенционизм Вашингтона и вмешательство Запада во внутренние дела других стран в поддержку демократии и прав человека, которые как Китай, так и Россия воспринимают лишь как инструмент внешней политики США. Они чувствуют себя нестерпимо ущемлёнными в своих интересах из-за американского военного присутствия в непосредственной близости от своих границ и политической поддержки, оказываемой США своим союзникам и партнёрам, с которыми Пекин или Москва зачастую не в ладах.

Несмотря на это, сближение России и Китая оказалось возможным до определённого уровня. Им удалось избежать конфликта вокруг стран общего соседства в Центральной Азии, как бы сильно ни ожидали этого на Западе. Но при этом не возникло и единого российско-китайского фронта против США. Китай не захотел подвергать риску свои обширные экономические связи с Америкой, оказывая слишком большую поддержку России. Он также не проявил заинтересованности в том, чтобы оказывать финансовую помощь России исключительно ради политического выигрыша от приобретения весомого союзника в своём всё более интенсивном соперничестве с США. В конечном счёте, Китай не присоединился к инициативам США по попыткам «изоляции» России, но и не принял сторону России в её схватке с США.

По сути это означает, что Пекин не воспользовался уникальной возможностью теснее привязать к себе Россию, более активно поддержав её в трудный момент и поощрив её в роли младшего партнёра в явно нарастающем соперничестве с США. В качестве

близкой аналогии можно вспомнить особые отношения, сложившиеся между Вашингтоном и Лондоном, которые сделали слабеющую Великобританию лояльным союзником США. Подобное поведение Китая свидетельствует о том, что, несмотря на свою новую мощь, его интересы лежат скорее в геэкономической, чем в геополитической плоскости, и что его лидеры не уверены в своей способности контролировать столь амбициозную и независимо мыслящую страну, как Россия, даже несмотря на её очевидную слабость.

Для некоторых наблюдателей, ограничения китайско-российского сближения означают провал российского «поворота к Азии»³. Однако ирония заключается в том, что этот результат оказался для России скорее хорошим, чем плохим. Пекин, сочтя неприемлемым риск ухудшения отношений с США, сознательно лишил себя уникальной возможности вовлечь Россию в свою орбиту. Таким образом, Москва, на сегодняшний день, избежала риска попадания в полную зависимость от своего влиятельного восточного соседа. Хотя ей и приходится фактически в одиночестве справляться с серьёзными вызовами, Россия сохраняет свою свободу. Её проблема заключается не в том, что Пекин не оказал ей достаточной поддержки, а в том, что ей самой пока не удаётся привлечь инвестиции и инновации и создать благоприятный климат для бизнеса.

После 2014 года отношения России с Китаем улучшились настолько, что их можно охарактеризовать как *Entente (Антанту)*, что означает взаимную эмпатию и взаимопонимание на высшем политическом уровне, расширение доступа китайских компаний к российским энергетическим активам, а Народно-освободительной армии Китая – к российским военным технологиям, а также расширение возможности использования территории России для инфраструктурных проектов, связывающих Китай с Европой. Со своей стороны, Китай расширил кредитование российских энергетических корпораций, снабжающих его нефтью и газом. Он остаётся главным потребителем продукции российской оборонной промышленности, помогает России в развитии и модернизации инфраструктур и делится с ней некоторыми технологиями.

³ Интересный анализ российского «поворота к Азии» см. в *Лукин А. Поворот России к Азии: миф или реальность? // Международная жизнь, № 4, апрель 2016, <https://interaffairs.ru>.*

Тем не менее, эти взаимоотношения явно не дотягивают до настоящего союза. Москва и Пекин продолжают координировать свою внешнюю политику по важнейшим глобальным темам, в том числе на уровне Совета безопасности ООН, но не слишком тесно. Россия играет сольную партию не только на Украине, но и в Сирии, в то время как Китай в одиночку решает свои проблемы в Восточном и Южном Китайских морях. Даже по теме нераспространения ядерного оружия, идёт ли речь об Иране или Северной Корее, Москва и Пекин следуют относительно параллельными путями, но не рука об руку. Девиз нынешних китайско-российских отношений : *никогда против друг друга, но необязательно всегда вместе*. Взаимны подчёркнутый нейтралитет Пекина по Крыму и Донбассу и беспристрастие Москвы в споре об островах на китайском побережье.

Однако, в сфере динамики этих отношений привилегированное положение занимает Китай, экономика которого замедляется и переживает период трансформаций, но при этом в шесть или семь раз превосходит российскую, находящуюся в глубокой рецессии, которая может продлиться ещё несколько лет. Москва нуждается в инвестициях, а Пекин располагает обширными ресурсами. Китай технологически превосходит Россию по всё большему числу направлений. Китайский экспорт в Россию – это по большей части промышленные изделия, в том числе, машинное оборудование. Российский экспорт в Китай состоит в основном из энергоносителей и сырья. Оборонный бюджет Пекина более чем в два раза превышает российский. Евразийский проект политической структуры ШОС – детище Китая со штаб-квартирой в Пекине. Когда в 2015 году Пекин и Москва договорились о «сопряжении» своих планов, в том числе проекта «Один пояс, один путь» и Евразийского экономического союза, было ясно, что лидирующая роль в них отводится Китаю.

Сегодняшнюю российскую стратегию по отношению к Китаю можно сформулировать как контроль за ситуацией, возникающей в связи с ростом Китая, при помощи поддержания добрососедских отношений по многим параметрам, минимизацию трений в сферах пересечения соперничающих интересов двух стран (Центральная Азия и отношения России с двумя другими стратегическими партнёрами в Азии, Индией и Вьетнамом), стремление уравновесить асимметричные торговые отношения поддержкой или увеличением зависимости Китая от России в некоторых сферах (продажа оружия, возможные поставки воды или продуктов питания), и, безусловно, сдерживание доминирования Китая над Россией (ограничение иммиграции из Китая и доступа к российским оборонным

технологиям, природным ресурсам Сибири и стратегическим водным артериям, таким как Северный морской путь).

Такой подход на сегодняшний день вполне успешен. Близкие отношения позволяют Китаю и России координировать свои действия, избегая столкновений. Их взаимоотношения не являются ни союзничеством, ни соперничеством. И несмотря на то, что Китай всё ещё не готов забыть «неравные договоры» XIX века, границы остаются спокойными и жители обеих стран воспринимают друг друга в основном положительно. Недавнее сокращение торговли на 40% в долларовом эквиваленте объясняется главным образом резким падением цен на нефть и структурным кризисом в России. Экономические отношения основаны на здоровом прагматизме, без примеси политики. Внешне Китай относится к России как к великой державе, хотя, в иерархии китайских приоритетов, она имеет значительно более низкий статус, чем США.

Менее ясно куда и как именно Россия намерена двигаться дальше. Динамика отношений свидетельствует об укреплении положения Китая и растущей зависимости России от своего соседа. Существует риск превращения Китая в единственного партнёра России в Азии, что было бы крайне невыгодно Москве. Россия, естественно, стремится диверсифицировать свою азиатскую политику, уводя её от излишней опоры на Китай и ориентируя на других возможных партнёров, в первую очередь, Японию.

Япония

Для Москвы, Япония представляет, в первую очередь, источник новейших технологий и инвестиционных капиталов, а также дверь в Восточную и Юго-Восточную Азию и доступ к Тихому океану. Япония – член «большой восьмёрки», обладающий большими финансовыми возможностями. Однако необходимо учитывать последствия второй мировой и холодной войн. Преданный союзник США, Япония принимает на своей территории их военные базы и служит их главной опорой в западной части Тихого океана. Отказавшись подписать в 1951 году в Сан-Франциско мирный договор с Японией, Москва создала территориальный спор с Токио, продолжающим считать четыре острова Южно-Курильской гряды японскими «северными территориями».

Цели Москвы в отношениях с Японией включают привлечение японских экономических ресурсов для развития российского Дальнего Востока и Сибири и достижение согласия по взаимно

признанным морским границам между двумя странами путём заключения мирного договора. Россия также рассчитывает на японский рынок для своего энергетического экспорта. При президенте Путине и премьер-министре Синдзо Абэ двусторонняя торговля и другие связи значительно возросли. Однако после 2014 года, когда Япония присоединилась к режиму санкций против России, достижение этой двойной цели стало практически невозможным. Япония открыто заявила о своей солидарности с Вашингтоном, от которого полностью зависит её национальная безопасность.

В сложившейся ситуации Япония инициировала новый импульс в отношениях. В 2016 году премьер-министр Абэ перешёл к прямому диалогу с Путиным и обмену визитами на высшем уровне. Токио преследует целью уравнивание растущих мощи и амбиций Пекина и подготовку почвы на случай возможного ухода США из Восточной Азии или потенциального столкновения Вашингтона с Пекином в ущерб Японии. Более непосредственная задача заключается в попытке помешать Москве сблизиться с Пекином на «антияпонской платформе». Экономические интересы также играют свою роль. Япония не хочет допустить того, чтобы Китай в одиночку пользовался российскими ресурсами и доминировал на российском рынке. В этом контексте, решение территориального спора остаётся хоть и реальной, но сугубо символической целью Синдзо Абэ.

Ожидается, что Путин позитивно ответит на эти шаги. Невзирая на *Entente* в отношениях с Пекином, Москва не желает оставаться с Китаем один на один. В ряде сфер, таких как новейшие технологии, Япония может предоставить России то, что не может дать Китай. В отличие от китайцев, россияне не держат злобы на Японию после второй мировой войны. Их Великая Отечественная война закончилась тремя месяцами раньше того, как Советский Союз, в соответствии со своими союзническими обязательствами, объявил войну Японии. Союз США и Японии вызывает намного меньше беспокойства в Москве, чем в Пекине. Как и для США, Китай значит больше во внешней политике России, чем Япония, однако Кремль полагает, что в его азиатской политике есть место для обоих. Тем не менее, Москва недавно подтвердила свою твёрдую позицию по вопросу Южно-Курильских островов, отказавшись обсуждать эту территориальную проблему. Путин может рассматривать возможность «компромисса по установлению границ» только будучи уверенным в том, что выигрыш от улучшения отношений с Японией будет того стоить. В этом его ещё только предстоит убедить.

Южная Корея

Япония – не единственный потенциальный партнер в Азии. В то время как, вследствие украинского кризиса, отношения с Токио начали портиться, Москва стала рассматривать возможность расширения связей с другой развитой экономикой Северо-Восточной Азии, Южной Кореей. Однако отношения с ней не получили серьёзного толчка. Близкого контакта между президентом Путиным и президентом Республики Корея Пак Кын Хе не возникло, и защита Сеула от ядерной мощи задиристого Пхеньяна продолжает целиком зависеть от США. Россия также извлекла урок из ранних 1990-х, когда почти полный разрыв связей между Москвой и Пхеньяном оставил её без рычага воздействия на Сеул. Сегодня, чтобы располагать весомыми аргументами в отношениях с Южной Кореей, Россия стремится сохранить толику влияния в Северной. Хотя Москва не питает особых иллюзий относительно режима КНДР и крайне негативно относится к её ядерной и ракетной программам, она видит опасность в грубых действиях США, направленных на то, чтобы загнать Северную Корею в угол.

Россия проводит осторожную политику на Корейском полуострове. В качестве мировой державы, входящей в Группу 5+1, она осознаёт свою ответственность по нераспространению ядерного оружия. Она участвует в ныне угасающих шестисторонних переговорах, но должна признать свою второстепенную роль в сравнении с США и Китаем. Как региональная держава Северо-Восточной Азии, она не может игнорировать возможный военный конфликт в непосредственной близости от своих границ, хотя имеет ограниченную свободу действий. Как близкий партнёр Китая, она признаёт интересы Пекина, воспринимающего Корею, особенно её северную часть, как своё «ближнее зарубежье». Москва считает нынешний режим в Пхеньяне исторически обречённым, но не торопит и не приветствует его внезапный крах. Она видит в Сеуле ресурс для развития российского Дальнего Востока, но оставляет открытой возможность того, что Корея надолго останется разделённой. Наконец, если Россия довольно спокойно относится к военному присутствию США в Южной Корее, она расценивает развёртывание американских систем противоракетной обороны в Корее и вокруг неё как угрозу собственной безопасности.

Другие азиатские страны и организации

С 1949 года, Москва занимает последовательную позицию в признании **Тайваня** частью Китайской народной республики. После окончания холодной войны её новые отношения с Тайбэем ограничивались экономическими и культурными обменов. Россия признаёт полный суверенитет Пекина над этой островной провинцией и в будущем не стоит ожидать от неё публичного осуждения каких бы то ни было шагов, которые КНР может предпринять по отношению к Тайваню. Эта позиция контрастирует с твёрдым нейтралитетом Москвы по отношению к вопросам морской безопасности в **Восточном и Южном Китайских морях**, где у неё нет значимых национальных интересов. Россия приняла решение о невмешательстве в потенциальные конфликты вокруг островов Сенкаку/Дяоюйдао, Парасельских островов, архипелага Спратли, отмели Скарбаро и др. Всецело поддерживая переговорный путь решения этих споров, Россия критически относится к «вмешательству» в них США.

В последнее время Россия в своей внешней политике стала уделять большее внимание **Юго-Восточной Азии**. Страны АСЕАН воспринимаются Россией как потенциально значимые торговые партнёры, отношения с которыми не несут груза прошлого. Вьетнам, бывший советский союзник в регионе и сегодняшний крупнейший потребитель российской оборонной промышленности, традиционно рассматривается как ворота в АСЕАН, однако ещё более интересные возможности представляют такие страны, как Малайзия, Сингапур и, особенно, Индонезия. Помимо предложения поставок этим странам оружия, пассажирских самолётов и атомных электростанций, Россия пытается соединить Вьетнам с Евразийским экономическим союзом посредством зоны свободной торговли. В мае 2016 года Путин принял в Сочи первый в России саммит со странами АСЕАН. При этом Москве драматически не хватает согласованного подхода к этому важному региону с населением в 500 млн. человек.

В Южной Азии главным партнёром Москвы с середины XX века была **Индия**, единственная крупная держава, с которой у России никогда не возникало споров или серьёзных проблем. Как было сказано выше, в 1998 году министр иностранных дел Евгений Примаков выступил с идеей более тесного взаимодействия между тремя великими державами Азии: Россией, Индией и Китаем (РИК). В начале 2000-х годов, Москва взяла на себя инициативу по превращению аббревиатуры стран с развивающейся экономикой

БРИК (РИК + Бразилия) в клуб крупнейших незападных стран. Если РИК фактически позволяет сбалансировать отношения с Китаем, БРИК представляет собой дополнение или альтернативу институтам, в которых доминирует Запад, особенно после того, как «большая восьмёрка», исключив Россию в 2014 году, вернулась к своему прежнему формату «большой семёрки».

Политически бесконфликтные и искренне дружеские двусторонние отношения России с Индией страдают от слишком узкой экономической базы, что представляет особенно серьёзный недостаток для правительства Нарендры Моди, поставившего своей главной целью стимулирование экономического развития страны. Россия предпринимает шаги по вовлечению Индии в свои энергетические проекты в Сибири, но этого недостаточно. Сегодня Россия сталкивается с серьёзной конкуренцией, – как европейской, так и американской, – даже в тех сферах торговли с Индией, где она доминировала на протяжении долгого времени, таких как торговля оружием. Столкнувшись с новой реальностью, России необходимо предпринять серьёзные усилия по вовлечению Индии в совместное развитие и совместное производство систем вооружений и, таким образом, вывести отношения на значительно более высокий уровень.

Поставляя оружие одновременно Индии и Китаю, Москва полностью осознаёт тот факт, что для Дели Китай выступает в роли вероятного противника. Тем не менее, России удаётся успешно маневрировать в этой деликатной ситуации. Она держится в стороне от исторического китайско-индийского спора о границах, в гораздо большем масштабе сотрудничает с Китаем, но поставляет Индии более современное оружие. Когда, в 1998 году, Индия создала собственное ядерное оружие, Россия признала это как факт и воздержалась от любых санкций против Дели.

В период холодной войны и, особенно, во время злополучной советской войны в Афганистане, **Пакистан** представлял для России проблему в области безопасности. В 2000-х годах отношения с этим государством несколько оттаяли, а в 2010-х Пакистан начал приобретать определённое место в российской политике в Южной Азии. Москва признаёт значение Исламабада для будущей стабильности в Афганистане, она даже продала ему некоторое количество оружия для борьбы против талибов, несмотря на недовольство Индии, что может послужить рычагом давления на Дели, если ему захочется диверсифицировать свои закупки оружия. В 2016 году Пакистан, наряду с Индией, формально присоединится к **Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС)**,

региональной группе, включающей Китай, Россию и государства Центральной Азии.

Ежегодные саммиты ШОС предоставляют России возможность регулярных встреч с лидерами континентальных азиатских стран, включая Китай, Индию, Пакистан, Иран, Афганистан, Монголию и страны Центральной Азии. ШОС даёт России определённую гарантию того, что китайско-центральноазиатское сотрудничество останется в основном экономическим и что сотрудничество в сфере безопасности, – включая совместные военные учения и совместные усилия в борьбе против терроризма, – будет осуществляться с участием России.

Москва явно отдаёт предпочтение ШОС по сравнению с ориентированным на проблемы безопасности **Восточноазиатским форумом**. Присоединившись к нему в 2012 году, Россия не слишком активно использует эту площадку, в частности, из-за нежелания занять определённую позицию в спорных геополитических вопросах Азиатско-Тихоокеанского региона. Экономический форум **АТЭС** (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество) занимает несколько более приоритетную позицию в российской внешней политике: в 2012 году, чтобы обозначить своё присутствие в регионе, Россия принимала саммит АТЭС во Владивостоке. Москва занимает двойственную позицию по отношению к **Транс-Тихоокеанскому партнёрству** (ТТП), по причине недостатка понимания и отсутствия сильных внутренних побудительных мотивов в пользу региональной экономической интеграции.

ШОС – это главным образом китайский проект, нацеленный на содействие обеспечению безопасности и развитию прилегающей к Синьцзяну **Центральной Азии**, зоны китайской экономической экспансии. Москва понимает, что побудило Пекин создать эту организацию и использует своё членство в ней для того, чтобы иметь возможность отслеживать действия Китая в регионе, быть уверенной, что эти действия не подрывают ключевые интересы России, и, при необходимости, сотрудничать с Китаем по региональным вопросам. В то же время, Россия продвигает собственные структуры: **Организацию Договора по коллективной безопасности (ОДКБ)** в сфере безопасности и **Евразийский экономический союз (ЕЭС)** в области экономической интеграции.

До сих пор России и Китаю удавалось избежать столкновения на почве борьбы за влияние в Центральной Азии. Пекин внимательно следит за тем, чтобы не перейти «красную черту» Москвы – военное присутствие в центрально-азиатских государствах и политические

альянсы с ними, в то время как Москва негласно приняла рост китайского экономического и политического влияния в этом регионе, постепенно вытесняющего остатки российского влияния. Между тем, центральноазиатские страны научились извлекать собственную выгоду из соперничества двух дружественных, но негласно конкурирующих держав. Эта конкуренция может стать более интенсивной с вступлением в неё Индии, партнёра России, и Пакистана, союзника Китая. В неё также включится Афганистан.

С точки зрения России, раздираемый войной **Афганистан** выступает крупнейшей угрозой безопасности в регионе. С момента свержения режима талибов в 2001 году, чему Россия способствовала через свои связи с Северным альянсом, Москва занимает сдержанную позицию по отношению к этой стране, в которой она потеряла 13000 военнослужащих во время Афганской войны СССР в 1979-1989 годах. После 11 сентября 2001 года Россия всё же оказала содействие США/НАТО по передвижению войск и перевозке грузов в и из Афганистана. Сотрудничество завершилось в 2014 году. После ухода основного контингента сил международной безопасности из Афганистана, Москва сохраняет свои линии коммуникаций открытыми для правительства в Кабуле и различных этнорелигиозных группировок. С появлением сил Исламского государства в Афганистане, Россия рассматривает возможности сотрудничества со всеми, кто способен бороться с ним, включая талибов.

После успешного начала операции в Сирии, Москва приобрела уверенность в использовании военной силы как эффективного инструмента внешней политики и политики безопасности. В будущем, Афганистан и Центральная Азия могут стать новыми театрами российских военных действий в случае, если они подвергнутся угрозе со стороны исламистских экстремистов, поскольку между Кабулом и Москвой нет надёжных заслонов. В настоящее время исламистский экстремизм остаётся наиболее реальным врагом России как вдоль её южных границ, так и внутри страны.

Российская внешняя политика в Азии остаётся однозначно сфокусированной на геополитике, а экономическим вопросам отводится лишь вспомогательная роль. Инструментов в наборе внешней политики Москвы совсем немного: энергетические ресурсы, от нефтегазового экспорта до доступа к природным месторождениям; продажа оружия и передача военных технологий; возможности транзита. Со всей очевидностью, Россия стремится к диверсификации

партнёров, но сталкивается в этом с серьёзными ограничениями. Её энергетические проекты с Китаем превращают Пекин в единственного клиента. Она поставляет оружие таким странам, как Индия и Вьетнам, находящимся в проблематичных отношениях с Китаем – также крупным покупателем российского оружия. На индийском рынке оружия Россия сталкивается с жёсткой конкуренцией со стороны США и стремится послать сигнал Дели, заключая небольшие сделки по поставкам оружия в Пакистан.

Заключение: компоненты региональной стратегии

В данной статье был представлен ряд индивидуальных подходов к нескольким странам в регионе, отличающемся крайним разнообразием. Очевидна необходимость более интегрированного подхода. Исходной точкой может стать осознание того, что в XXI веке Азия как минимум настолько же важна для России, что и Европа, а возможно и больше. Выводы напрашиваются сами собой: необходимо лучше узнать своих азиатских соседей, восстановить производство экспертных знаний в отношении Азии и усердно работать над ростом связей с соседними странами в Азии и на другом берегу Тихого океана.

Ключевая задача заключается в том, чтобы планы по развитию восточной России – то, что сто лет назад называлось азиатской Россией – заработали. Необходимо сделать приоритетными, наряду с природными ресурсами, в частности, энергоносителями, развитие инфраструктур, сельскохозяйственного производства, зон отдыха. Для развития российской стратегии в Азии необходимо, чтобы Сибирь и Дальний Восток постоянно находились на переднем плане политической повестки дня. Главная задача заключается не в распространении российского политического влияния за пределами страны, а в том, чтобы найти наиболее подходящее место для России в региональном экономическом устройстве. Российские лидеры должны посвящать больше времени российскому Дальнему Востоку, превратить Владивосток в тихоокеанский мегаполис страны и несколько отступить от евроцентризма в своем восприятии мира.

Более того, российская азиатская стратегия должна быть как интегрированной, так и всеобъемлющей. Интеграция означает развитие единого взгляда на цели регионального уровня, в которых двусторонние отношения, даже с такой глобальной державой как Китай, являются частью одного целого, тесно скоординированной с другими частями. Азиатская стратегия фактически должна быть азиатско-тихоокеанской, включая в себя такие страны, как США, Канада, Австралия и Новая Зеландия. Этому способствует то, что между Москвой и Вашингтоном имеется меньше спорных вопросов в

Азии, чем в Европе. Тихий океан не столько разделяет, сколько соединяет.

Всеобъемлющая стратегия включает все значимые измерения политики: геоэкономическое, геополитическое, геостратегическое (военное), информационное и культурное. Российские руководители и дипломаты питают слабость к геополитике, а военные силы претендуют теперь на роль за пределами страны. При этом далеко не достаточно развиваются остальные измерения политики, прежде всего экономическая дипломатия. Также, России, как правило, трудно объяснить свои мотивы и цели иностранцам и вызвать их эмпатию. Очевидно, что для повышения эффективности экономической дипломатии её необходимо поддержать реальным улучшением бизнес-климата в стране, включая правовую среду.

Приоритетом для азиатской стратегии России должно стать извлечение максимальной пользы для собственного развития из отношений с азиатскими великими и крупными державами, такими как Китай, Индия и Япония, а также с другими экономически развитыми странами, в частности, Южной Кореей, Сингапуром и Тайванем. Когда позволят геополитические условия, – что может случиться нескоро, – России необходимо будет восстановить и расширить связи с англоговорящими соседями в Тихом океане, от Аляски и Калифорнии до Австралии и Новой Зеландии. Хотя даже сейчас должно продолжаться развитие связей в неполитических сферах, таких как образование, наука, технологии, региональное развитие.

С точки зрения безопасности, Азиатско-Тихоокеанский регион представляет на сегодняшний день наименее опасную стратегическую среду для России. Главной проблемой остаётся Корейский полуостров. Обращение с ним требует осторожности и согласования на международном уровне. Важнейшее значение имеет предотвращение нового противостояния в Азии с США и их союзниками. Экзистенциально важная задача – сохранение дружеских отношений с Китаем. Более того, абсолютно необходимо оставаться в стороне от конфликтов, не касающихся России непосредственно, в особенности тех, которые затрагивают интересы Китая. Это естественным образом исключает любой китайско-российский военный союз, даже если добрососедские отношения и активное сотрудничество с Пекином являются необходимыми условиями для мира и процветания в России.

Исключительно геополитическая повестка должна послужить ответом на ключевые вопросы о практических способах строительства

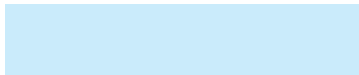
оптимальных отношений с Китаем и оживления партнёрства с Индией, использования потенциала сотрудничества с Японией и, возможно, решения остающихся неразрешёнными вопросов в отношениях с ней, а также поиска путей создания более тесных связей со странами АСЕАН. По мере того, как растёт уровень интеграции внутри огромного евразийского континента, российская внешнеполитическая стратегия должна стать более комплексной и сбалансированной: очень важно найти равновесие между её европейским и азиатским направлениями. Новая стратегия в Азии требует новой стратегии в Европе. Идея Большой Европы от Лиссабона до Владивостока провалилась. Большая Азия от Шанхая до Санкт-Петербурга не отвечает интересам России. Вместо этого, Москва должна ставить целью создание большой Евразии, пользуясь преимуществами своих одинаково тесных связей с соседями на востоке, на западе и на юге.

Последние публикации

Russie.Nei.Visions

- ▶ Шумилин А., [«Россия на Ближнем Востоке: от экономики к геополитике»](#), *Russie.Nei.Visions*, № 93, май 2016.
- ▶ Ло Б., [«Иллюзия сближения: Россия, Китай и страны БРИКС»](#), *Russie.Nei.Visions*, № 92, февраль 2016.
- ▶ Биссон Л., [«Иммиграционная политика России: новые вызовы и инструменты»](#), *Russie.Nei.Visions*, № 91, январь 2016.
- ▶ Поляков Л., [«Консерватизм в России: политтехнологический симулякр или исторический выбор?»](#), *Russie.Nei.Visions*, № 90, декабрь 2015.
- ▶ Тимофеев И., Алексеенкова Е., [«Евразийское направление внешней политики России: интересы, возможности и ограничения»](#), *Russie.Nei.Visions*, № 89, декабрь 2015.
- ▶ Бунин И., Макаркин А., [«Россия: государство и бизнес»](#), *Russie.Nei.Visions*, № 88, ноябрь 2015.
- ▶ Коростиков М., [«Уйти, чтобы вернуться: российские чиновники и госкомпании»](#), *Russie.Nei.Visions*, № 87, август 2015.
- ▶ Милов В., [«Новые энергетические альянсы России: мифы и реальность»](#), *Russie.Nei.Visions*, № 86, июль 2015.
- ▶ Деланоэ А., [«Курды: вектор российского влияния на Ближнем Востоке?»](#) *Russie.Nei.Visions*, № 85, июнь 2015.
- ▶ Кастуева-Жан Т., [«Внутренняя эволюция России и ее влияние на внешнюю политику»](#), *Russie.Nei.Visions*, № 84, апрель 2015.
- ▶ Багно-Молдавски О., [«Еврейская диаспора и российско-украинский кризис»](#), *Russie.Nei.Visions*, № 83, март 2015.
- ▶ Ло Б., [«Российская политика в Центральной Азии»](#), *Russie.Nei.Visions*, № 82, январь 2015.

Если Вы хотите получать информацию о следующих выпусках, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: campagne@ifri.org.

ifri

institut français
des relations
internationales